

13. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 192–221.
14. Хайдеггер М. Слово // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 302–312.
15. Чанышев А.Н. Эгейская префилософия. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 240 с.

УДК 177.8

Е.С. Сидоров

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ
КОНФЛИКТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И ЗАПАДНОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

В статье исследуется специфика представлений о межпоколенческой конфликтности в отечественной и западной эстетической традиции, а также взаимосвязь данных представлений с динамикой социокультурной среды.

Ключевые слова: поколение, межпоколенческая конфликтность, конфликт поколений.

E.S. Sidorov

CONCEPTUALISATION OF THE INTERGENERATIONAL CONFLICTNESS IN THE CONTEXT OF DOMESTIC AND WESTERN AESTHETIC TRADITION

In article specifics of ideas of an intergenerational conflictness in domestic and western esthetic tradition, and also interrelation of these representations with dynamics of the sociocultural environment are investigated.

Key words: generation, intergenerational conflict, conflict of generations

Понимание особенностей социальных взаимоотношений между поколениями является важнейшим аспектом для понимания общества как сложной развивающейся системы. В XX веке в рамках социогуманитарного знания появляется широкий спектр теорий, объясняющих проявление конфликтности в данных отношениях, самой популярной из которых стала фрейдомарксистская теория «конфликта поколений» как

феномена развития общества через межпоколенческий антагонизм. Однако особый интерес представляет связь развития представлений о межпоколенческой конфликтности с процессом ее отображения в эстетической традиции как в отечественной, так и западной культуре, в силу того, что конституирование данных представлений в общественном (в том числе научном и философском) сознании оказывается взаимосвязано с рефлексией данной проблематики в различных произведениях искусства.

В данной статье мы ставим перед собой цель исследовать отображение феномена межпоколенческой конфликтности в отечественной литературе, где оно имеет давнюю традицию, а также обозначить общую значимость проявления данной темы в произведениях современного искусства.

При написании статьи использовались методы анализа и синтеза, компаративистский и диахронический методы, регрессивно-прогрессивный метод культурной герменевтики.

Дело в том, что одного эмпирического наличия некоего факта (в нашем случае конфликтности, возникающей в результате объективной разности поколений, обнаруживающейся в процессе когнитивного развития личности), недостаточно для того, чтобы ряд данных фактов рассматривался в качестве социокультурного феномена. Таковым становится лишь явление признанное, обозначенное, «высказанное» в той или иной форме общественного сознания. Дело состоит в том, что человек (и человечество), как правило, *видит то, что готов видеть, а готов он видеть то, что уже обозначено*. Факты мира, факты жизни могут игнорироваться, не замечаться, если сознание не имеет потенциальной возможности как-то обозначить их на теоретическом уровне. И потому феномен конфликтности малозначим для традиционного общества – сама мысль о нем, представление о нем как социальном (а не сакральном) явлении отсутствовало. И потребовался долгий путь работы мысли, увенчанный социальным мифотворчеством З. Фрейда, пронзившего всю известную нам реальность идеей антагонизма поколений. Критикуя, отрицая, признавая или интерпретируя эту идею, современный человек изначально так или иначе с ней знаком – образ поколенческого антагонизма стал устойчивым представлением. Речь не идет о том, что З. Фрейд открыл миру некую истину, речь идет о том, что он (и дальнейшие его последователи) предложил некую теоретическую схему, модель интерпретации, точку зрения, позволяющую упорядочивать многообразные факты мира. Развитие и противоречивость подобной позиции естественно возникает ввиду указанной нами ограниченности всякой теоретической схемы сознания – факты мира все время ставят перед нами проблему собственной противоречивости. Однако концепт «конфликта поколений» оказался плодотворной моделью объяснения определенной части реальности [5]. Конституирование современных представлений о межпоколенческой конфликтности обусловлено не только

философской и научной рефлексией над данной проблемой. Данные представления взаимосвязаны с долгой традицией отображения проблематики межпоколенческих отношений в контексте мировой эстетической традиции.

Мы сосредоточимся, во-первых, на теме межпоколенческой конфликтности в отечественной литературе, где она имеет давнюю традицию, а во-вторых, обозначим общую значимость проявления данной темы в произведениях современного искусства. Выбор в пользу, прежде всего, отечественной художественной литературы как основного аналитического материала обусловлен тем, что отечественная литературная традиция отразила в себе сложный прерывистый путь исторического развития Российского государства, изобилующего кризисными явлениями, «рывками» и иными историческими драмами. Фактически находившееся со времен Петра I в ситуации экспрессивной модернизации отечественное общество оказалось предрасположено к особенно серьезным эксцессам межпоколенческой конфликтности, разрыву межпоколенческого опыта и конфликту поколений. В то время как конституирование представлений о межпоколенческой конфликтности в западной культуре в Новое Время шло постепенно и плавно, в русской культуре этот процесс предстал в общественном сознании как тяжелый, болезненный и драматичный.

Данная проблема является предметом диссертационного исследования Э.А. Радь «Конфликт поколений и ситуация выбора в произведениях литературы Древней Руси и XVIII века: К истории сюжета о блудном сыне». На основе богатого литературного материала, как религиозного, так и светского ("Повесть временных лет", "Моление Даниила Заточника", "Житие Феодосия Печерского", "Повесть о Горе Злочастии", "Повесть о Савве Грудцыне", «Комидия притчи о блудном сыне» С. Полоцкого, «Владимир» Ф. Прокоповича, трагедии А.П. Сумарокова, «Бригадир» Д.И. Фонвизина и др.), автор анализирует специфику художественного отображения межпоколенческих отношений в их конфликтом срезе. В литературной традиции до начала Нового Времени изображение конфликтных тенденций межпоколенческих отношений следует в русле евангельской притчи о блудном сыне: «...авторы Древней Руси чаще, нежели писатели нового времени, сверяли жизнь своих героев с Евангельским Словом, показывая сложную природу человеческой индивидуальности в тесной связи с религиозно-мифологическими представлениями Средневековья» [4]. При переходе к Новому Времени литературное отражение межпоколенческих отношений претерпевает своеобразную метаморфозу: «... лишь в XVII веке в связи с возрастанием интереса к человеческому характеру взаимоотношения "отцов" и "детей" становятся остроконфликтными. Это объясняется спецификой "бунташного" века и тем, что само время осознавало и воспринимало духовную кризисность общества с особой остротой. От единения с родителями и

Богот-отцом в попытках самоутверждения "дети" нового времени приходят к внутреннему разладу» [4]. При очевидном сохранении христианско-нравственного мотива смещение в сторону характера, индивидуальности, как основы конфликтной остроты, несомненно. Указывает автор и на ту «красную нить», что проходит через любой сюжет о межпоколенческом конфликте в его «новационной» вариации (который неслучайно связывается автором с «ситуацией выбора»): «Личность сама идет навстречу выбору. Причем ведет человека сердце (сердце как бессознательный импульс), действует же человек в ситуации выбора, исходя из своих внутренних установок. Пружина индивидуальности заставляет человека не соглашаться с миром в любые времена. Эта же пружина не дает покоя, толкает действовать, изменять свое положение» [4]. Таким образом, экспликация мотива межпоколенческой конфликтности в отечественной литературной традиции приводит нас к идее о том, что «новационная» конфликтность между поколениями (то есть конфликтности как борьбы «новых» и «не-новых» позиций, представлений и взглядов в рамках социокультурного поля) оказывается возможна на определенном этапе развития общества, когда возникают условия для канализации когнитивной предпосылки данной конфликтности. Условия эти заключаются, как мы считаем, в расширении социокультурной дифференциации. Таким образом, можно констатировать, что межпоколенческая конфликтность «новационного» типа является своего рода эмерджентным феноменом, проявляющимся при достижении обществом определенного уровня сложности.

Конфликтность (а соответственно и возможные конфликты) в рамках анализируемой традиции отечественной литературы связана с ситуацией личностного «выбора», включенного в процесс становления личности. Важно отметить, что, по мнению Э.А. Радь, «выбор» в литературе до XVII века предстает в качестве «вызова», а после в качестве «протеста», что отражает переход от единичности, исключительности феномена к его социальному расширению. В соответствии с регрессивно-прогрессивным методом понимания сущности и динамики социокультурных констелляций мы можем постулировать, что переход от парадигмы «выбора-вызова» к «выбору-протесту» в русской литературе не только обусловлен конкретно социальными причинами, но и сам в свою очередь оказывает влияние на специфику интерпретации определенных событий, явлений, что возникают в социокультурной реальности. Общественные потрясения, открывающие эпоху Нового Времени, стимулировали своего рода неуверенность, отход от традиционных образцов, моделей, представлений и эти реальные процессы, отражаясь в различных социокультурных констелляциях, способствовали дальнейшему своему развитию.

Обратимся теперь к произведениям отечественной литературы XIX века, отражающим тему межпоколенческой конфликтности, прежде все-

го, «Братьям Карамазовым» Ф.М. Достоевского и «Отцам и детям» И.С. Тургенева. З. Фрейд в свойственном ему духе видел в работах Ф. Достоевского сублимацию личного опыта тяжелого отношения с отцом [6]. Нас, впрочем, больше интересует внутренняя интенция произведения вне контекста связи с автором, а в качестве символической величины, идущей от регрессивного объяснения к прогрессивной расшифровке реальности. Вопрос в том, *что* лежит за ситуацией антагонизма и *в чем* символика его разрешения? Как мы считаем, «Братья Карамазовы» – вовсе не история о том, что, лишённые родительского авторитета дети не могут состояться в личностном, нравственном и социальном плане. Вторым и третьим сыном (Иван и Алексей) вполне успешно социализируются и развиваются вне тесных отношений с отцом, которого ни в коем случае нельзя назвать близким своим детям и вообще положительным персонажем. Однако смерть (убийство) отца оказывается для братьев крахом или, по крайней мере, тяжелейшим ударом (например, для младшего из них). Почему? Мы считаем, что убийство (смерть) отца лишает детей даже гипотетической возможности примирения – признания. Признание должно существовать хотя бы как перспектива конфликтного отношения в семье, в противном случае, мы видим то, что и происходит в романе – интериоризацию того внешнего зла, которое присутствовало в отношениях с отцом и коллапс личности (болезнь Ивана). Даже истинный убийца – незаконнорожденный сын Смердяков – кончает жизнь самоубийством. Почему? Потому что генеалогические отношения (как и конфликт в них) замкнуты сами на себе – они неразрешимы никаким актом насилия и разрушения. Потому что злость и ненависть, инспирировавшие отцеубийство, оказываются не разрешены и отец оказывается «врагом», которого невозможно убить. И дело здесь не в возвращении отца в качестве чувства вины, как сказал бы З. Фрейд, а в *разрушении телеологии признания*, которая и составляет суть генеалогического отношения – убийство отца уничтожает возможность ее осуществления и наносит катастрофическую травму убийце и травмирует остальных детей. Здесь мы можем увидеть отображение всей сложности, противоречивости генеалогических отношений между поколениями – конфликтность, антагонизм, стремление к признанию (пусть в негативной форме данного явления). По мере инкорпорирования данных воззрений в корпус культуры мы получаем и новую точку зрения, способствующую осмыслению явлений семейного бытия.

«Отцы и дети» и «Новь» И.С. Тургенева, «Бесы» Ф.М. Достоевского, «Обыкновенная история» и «Обрыв» И.А. Гончарова вскрывают причину возникновения и специфику реализации конфликтности. Данные романы иллюстрируют социальную обусловленность возникновения социокультурных констелляций, равно как и двойственную функцию данных констелляций. Возникновение данных художественных произведений – это объяснение исторической реальности России XIX века, в кото-

рой нарастал антагонизм между «новым» и «не-новым», проявившийся в том числе в многочисленных революционно-ориентированных движениях и нашедший свою социальную базу, прежде всего, в «детях» – в младшем поколении. В то же время данные произведения выполнили и конституирующую функцию, став призмой рассмотрения для тех аналогичных явлений, что были объяснены (а всякое объяснение всегда ограничено) в них. В таком смысле данные произведения и становятся конструктивными элементами социальной реальности: они не просто вырастают из нее, но дают новый канон интерпретации определенных явлений. При этом данные произведения нельзя рассматривать как изолированное отображение конфликтности поколенческих отношений. Они возникают в рамках определенной культуры, традиции восприятия межпоколенческих отношений, потому в них можно увидеть характерный христианский элемент осуждения отхода от послушания, гиперболизацию нигилизма новизны, надежду на примирение через апелляцию к нравственным основам культуры. В чем же причина антагонизма, описываемого в указанных литературных произведениях? В расхождении сложившихся взглядов и отсутствии условий (т.е. стремления) к их пониманию и признанию, в разрыве опыта поколений. Так, в «Отцах и детях» речь идет именно о том, что ускоряющийся темп социокультурного процесса, постоянная общественная дифференциация, возникновение новых точек зрения, значимых ориентирующих позиций в ходе исторического процесса, делают фактически невозможной тождественность опыта поколений. Это не причина самого возможного конфликта, но это конфликтность – принципиальная инаковость опыта, невозможность солидарности по принципу тождества опыта между поколениями. В такой ситуации возможность солидарности обретается на пути взаимного признания, движимого экзистенциальным чувством близости, либо же наступает конфликт, когда различие опыта становится причиной конфликтного реагирования. В целом можно констатировать, что конфликт во всех случаях рассмотренных литературных сюжетов возникает как следствие проявившегося расхождения в системах представлений о реальности и друг о друге в этой реальности. Важно отметить, что в тех местах, где речь идет о противоречии представлений и ориентаций поколения «детей» по отношению к опыту поколения «отцов», нет в действительности ситуации отказа от авторитета данного опыта. Авторитет «отцов» задает отправную точку формированию опыта поколения «детей», который в свою очередь является инверсией опыта, взглядов, представлений поколения «отцов». Таким образом, мы приходим к мысли о неразрывности поколенческого отношения, где противоречия в представлениях вовсе не свидетельствует об отрицании авторитета старшего поколения – данный авторитет можно рассматривать как «негативный авторитет», задающий парадигму формирующегося опыта поколения «детей» «от себя», как противоположность себе и свою «инвер-

сию». Иллюстрацией данной идеи может служить история тургеневского Нежданова из «Нови», который выстраивает всю свою жизнь как инверсию жизни своего отца (Нежданов приходится незаконным сыном дворянина и с детства испытывает чувство отчуждения, потерянности, что символически отражено в его фамилии). Проблема Нежданова заключается в том, что его антагонизм, интериоризованный в себя как внутренний протест, стремящийся проявиться вовне, является самообманом. Его конфликтность не есть конфликтность освободительная, защищающая от детерминации властного образа отца и способствующая конструированию собственной индивидуальности и личного жизненного пути. Нежданов, отталкиваясь от образа отца, становится его «двойником-наоборот» и выбирает путь не по собственному предпочтению, а лишь как обратный воззрениям отца-дворянина. В итоге Нежданов приходит к осознанию своей потерянности, разоблачает свой самообман, наступает коллапс личности и следует самоубийство.

Мы можем увидеть два «пика» актуализации темы межпоколенческих отношений в отечественной литературе: в XVII (согласно Э.А. Радь) и XIX веках. Оба исторических периода характеризуются резкими, глубокими изменениями во всем общественном укладе Российского государства. Оба исторических периода, по сути, являют собой эпоху широких социокультурных перемен, возникновения новых точек зрения, типов опыта, усиления общественной дифференциации. Именно в этих процессах и может находить свою актуализацию явление межпоколенческой конфликтности, как выражающее противоречие в опыте поколений и обладающее возможностью канализировать данные противоречия в виде ситуаций непонимания, скрытых и явных антагонизмов и конфликтов.

Мотив сложности, зачастую враждебности межпоколенческих отношений, является характерной чертой многих произведений современного искусства, как в его литературном (к данной теме обращались в числе прочих С. Беллоу, Л. Фейхтвангер, Т. Манн, О. Хаксли, У. Стайрон, Д. Стейнбек, К. Гамсун, Т. Драйзер, Д. Сэлинджер, Ж. Амаду, Э. Хемингуэй, Д. Олдридж, А.Б. Касарес, М. Шолохов, А. Солженицын, Д. Франзен, М. Хонг Кингстон и Э. Тэн и многие другие), так и кинематографическом срезе. Подтверждает нашу мысль диссертационное исследование А.Р. Лисенко «Конфликт отцов и детей в немецкой драме XX века». Автор показывает, как исторические события Германии XX века задают точку столкновения взглядов между сменяющимися друг друга поколениями [3]. Выделим также проблематику межпоколенческих отношений, затронутую в произведениях двух последних из указанных писательниц. Данная тема явилась предметом диссертационного исследования Е.М. Караваевой «Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тэн: к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской литературе США последней трети XX века». Тема кон-

фликтности здесь дана в контексте современных глобализационных тенденций: «Принадлежность разным историческим и культурным эпохам, различное отношение к традициям препятствуют взаимопониманию двух поколений» [1]. В целом конфликт здесь укладывается в русло проблемы обретения идентичности с опорой на традицию, однако важно, что механизм преодоления конфликта вновь связан с темой признания: «Рассказы о Китае в романах Кингстон и Тэн» выступают главным подтекстом, который формирует отношения между матерями и дочерьми. С помощью историй о прошлом и своей родине матери помогают дочерям найти себя, передают им свой опыт, тем самым сохраняя китайскую историю и культуру. Включение китайской мифологии в американский контекст помогает героиням сформировать собственную идентичность. По мысли писателей, творческий диалог между «я» и «другими» способен утвердить этническую субъективность» [1]. Проблема признания, таким образом, здесь выходит за чисто генеалогические рамки и встраивается в более широкий социокультурный контекст взаимопризнания между поколениями прошлого и будущего, а конфликт оказывается предпосылкой культурной идентификации и солидарности. Отметим, что если в ретроспективе проблема конфликта между поколениями – в ее эксплицитном смысле – является социокультурной констелляцией западной цивилизации, то в современном глобализирующемся мире данные рамки стираются. Свидетельством чему является, например, проявление темы межпоколенческого конфликта в современном китайском и японском кинематографе [2].

Мы приходим к выводу, что в сочетании с заостренностью темы межпоколенческой конфликтности в современной популярной психологии, как и в психологии в целом, широкое ее распространение в рамках современного искусства маркирует межпоколенческую проблематику в обыденном сознании как «вечную тему», называемую проблемой «отцов и детей» или же «конфликтом поколений». Представления о конфликтности в рамках искусства эволюционируют в связи с эволюцией всей совокупности представлений о ней. Искусство отображает социальную реальность не только непосредственно, но и при посредстве других представлений – неслучайно античное и классическое искусство находится в тесной связи с мифологическими и религиозными сюжетами. Современное искусство взаимодействует также с философскими теориями (например, с психоанализом), но эта связь во многом взаимна. Распространение сюжета межпоколенческого конфликта в отечественной литературе XIX столетия и в зарубежном искусстве XX века социально обусловлено, а с другой стороны, само является своеобразной призмой осмысления реальности, обозначая легитимацию представлений о сложности, конфликтности межпоколенческих отношений в массовом сознании, создавая культурную предпосылку возникновения и реализации конфликтных отношений между поколениями.

Литература

1. *Караваева Е.М.* Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тэн : к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской литературе США последней трети XX века: дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] // <http://www.dissercat.com/content/konflikt-pokolenii- v- romanakh-maksin- khong-kingston-i-emi-ten-k-probleme-poiska-identichnost>.
2. *Каргина П.А.* Конфликт поколений в современном китайском кинематографе [Электронный ресурс] // www.synologia.ru.
3. *Лисенко А.Р.* Конфликт отцов и детей в немецкой драме XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2014. – 24 с.
4. *Радь Э.А.* Конфликт поколений и ситуация выбора в произведениях литературы Древней Руси и XVIII века: К истории сюжета о блудном сыне: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2001. – 169 с.
5. *Сидоров Е.С.* Формирование представлений о межпоколенческой конфликтности в гуманитарном знании // Вестн. КрасГАУ. – 2013. – № 12. – С. 290–294.
6. *Фрейд З.* Достоевский и отцеубийство [Электронный ресурс] // <http://www.vehi.net/dostoevsky/freid.html>.

